

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР
Рука судьбы

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР
Под стягом победным

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР
Последняя встреча

СЕСИА СКОТТ ФОРЕСТЕР

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР

РУКА СУДЬБЫ

Санкт-Петербург

**Мичман
Хорнблауэр**

Глава первая

РАВНЫЕ ШАНСЫ

Над Ла-Маншем бушевал январский штормовой ветер. Порывами налетал дождь, крупные капли громко стучали о брезентовые куртки дежуривших на палубе офицеров и матросов. Ветер дул так сильно и так долго, что даже в замкнутых водах Спитхеда военный корабль неуклюже кренился на беспокойной воде и с резкими толчками стопорился натянутыми якорными канатами. К кораблю приближалась лодка — гребли две дюжие женщины. Лодка бешено плясала на крутых волнах, то и дело зарываясь в них носом и оставляя за кормой густую пелену брызг. Женщина, сидевшая впереди, хорошо знала свое дело. Бросая быстрые взгляды через плечо, она не только вела лодку по курсу, но и направляла ее носом в самые большие волны, чтобы та не опрокинулась. Лодка медленно двигалась вдоль правого борта «Юстиниана». Когда она подошла к грот-руслению¹, ее окликнул вахтенный мичман.

— Так точно! — во весь голос крикнула загребная.

По старинной и странной флотской традиции такой ответ означал, что в лодке находится офицер. Вероятно, это относилось к съездившейся на корме фигуре, более походившей на прикрытую плащом грудю тряпья.

Все это наблюдал мистер Мастерс, вахтенный лейтенант; он укрывался с подветренной стороны кнехтов бизань-мачты. По команде вахтенного мичмана лодка подошла к грот-руслению и надолго скрылась из глаз, — видимо, офицер никак не мог подняться на борт. Наконец лодка вновь появилась в поле зрения Мастера: женщины отвалили от корабля и ставили крошечный люгерный парус, под которым лодка, уже без пассажира, устремилась

¹ *Грот-руслень* (и др. морские термины) — см. краткий морской словарь в конце книги.

к Портсмуту, прыгая на волнах, как лошадь через препятствия. Когда она отошла, Мастерс заметил, что по шканцам приближаются двое. Новоприбывшего сопровождал вахтенный мичман; он указал на Мастерса и вернулся к грот-руслу. Мистер Мастерс прослужил на флоте до седых волос, имел счастье получить лейтенантский чин и давно понял, что капитаном не сделается никогда. Не сильно огорчаясь этим, он обратил свой ум на изучение окружающих.

Посему он внимательно разглядывал человека, который шел сейчас к нему. Худощавый юноша, почти мальчик, ростом чуть выше среднего; голенастые ноги в больших ботах, неуклюже выпирающие локти. Плохо подогнанная форма насквозь вымокла от брызг, из высокого воротника торчит тощая шея, лицо бледное, скуластое. Белое лицо — редкость на корабле, где люди быстро загорают до черноты, но у новичка оно было не просто белым; на впалых щеках отчетливо проступал зеленоватый оттенок. Юношу явно укачало в лодке. Черные глаза на бледном лице казались по контрасту дырами в листе бумаги — Мастерс с легким интересом отметил, что, несмотря на морскую болезнь, обладатель их пристально оглядывается вокруг, изучая новую обстановку. В глазах светилось непобедимое любопытство, которое не смогли заглушить ни робость, ни морская болезнь. Мистер Мастерс проницательно заключил, что юноше свойственны осторожность и дальновидность; он изучает новое окружение с тем, чтобы приготовиться к испытаниям. Так, наверное, смотрел на львов во рву библейский Даниил.

Темные глаза юноши встретились с глазами Мастерса, он остановился, смущенно поднял руку к полям промокшей шляпы. Потом открыл рот и хотел что-то произнести, но так и застыл в приступе робости, не произнеся ни слова. Наконец он собрался с духом и выдал из себя заранее заготовленную фразу:

— Прибыл на борт, сэр.

— Ваше имя? — спросил Мастерс, напрасно прождав, что юноша представится сам.

— Г-Горацио Хорнблауэр, сэр. Мичман, — выговорил тот.

— Очень хорошо, мистер Хорнблауэр, — также официально ответил Мастерс. — Дэннаж ваш с вами?

Слова такого Хорнблауэр никогда не слышал, но у него хватило сообразительности догадаться, что оно значит.

— Мой рундук, сэр. Он... он у входного порта, — выговорил Хорнблауэр с легким колебанием — он знал, что поднялся на корабль через входной порт и что сундучок надо называть рундуком, но требовалось некоторое усилие, чтобы самому произнести эти слова.

— Я велю отнести его вниз, — сказал Мастерс, — и вам лучше отправиться туда же. Капитан на берегу, а первый лейтенант велел ни при каких обстоятельствах не беспокоить его до восьми склянок, так что советую вам, мистер Хорнблауэр, как можно скорее снять мокрую одежду.

— Да, сэр, — ответил Хорнблауэр и в тот же миг по лицу Мастерса понял, что употребил неправильное слово.

Прежде чем Мастерс успел сделать ему замечание, он исправился, с трудом веря, что люди произносят такие слова не только на сцене.

— Есть, сэр, — и после секундного раздумья снова поднес руку к полям шляпы.

Мастерс отсалютовал в ответ и обернулся к одному из посыльных, дрожавших под слабым укрытием фальшборта:

— Юнга! Проводите мистера Хорнблауэра в мичманскую каюту.

— Есть, сэр.

Хорнблауэр последовал за мальчиком к грота-люку. От морской болезни он едва держался на ногах, да еще чуть не падал всякий раз, как резкий ветер заставлял «Юстиниана» толчком натягивать якорный канат. Подойдя к люку, юнга скользнул вниз по трапу. Хорнблауэру пришлось уцепиться за поручни и с опаской спускаться сначала в полутьму нижней пушечной палубы, затем в сумрак твиндека. В ноздри ему ударили разнообразные и необычные запахи, в уши хлынули странные незнакомые звуки. У подножия каждого трапа юнга терпеливо ждал, в лице его читалось плохо скрываемое презрение. За последним спуском несколько шагов — Хорнблауэр окончательно потерял всякое представление о направлении и не знал, идут ли они к корме или к носу, — и они очутились в темной нише. Сальная свеча, воткнутая в медную пластину на круглом столе, лишь сгущала тени. За столом сидели человек шесть без сюртуков. Юнга исчез, оставив Хорнблауэра стоять, и прошло несколько секунд, прежде чем на него обратил внимание усатый мужчина, сидевший во главе стола.

— Говори, ужасное виденье, — произнес тот.

Хорнблауэра затошнило. Сказывалось путешествие в лодке, духота и вонь твиндека. Говорить было трудно, и он не знал, как выразиться.

— Меня зовут Хорнблауэр, — пробормотал он наконец.

— Здорово же тебе не повезло, — без тени сочувствия произнес другой мужчина.

Тут в ревушем мире за бортом корабля ветер резко сменил направление, слегка накренив «Юстиниана», повернул его и вновь рывком натянул якорные канаты. Хорнблауэру показалось, что мир перевернулся. Юноша закачался и покрылся потом, хотя весь дрожал от холода.

— Я полагаю, вы явились, — продолжал усатый, — чтобы пробиться в общество наиболее достойных людей. Еще один тупоголовый невежда явился осложнять жизнь тем, кому придется его учить. Посмотрите на него, — говорящий жестом призвал внимание компании, — только посмотрите. Последнее дурное приобретение нашего короля. Сколько вам лет?

— С-семнадцать, — выговорил Хорнблауэр.

— Семнадцать, — с подчеркнутым отвращением повторил усатый. — Чтобы стать моряком, вам надо было начать в двенадцать. Знаете разницу между топом и фалом?

Это вызвало у компании смех, характер которого был совершенно ясен смятенному уму Хорнблауэра. Он понял, что его осмеют независимо от того, скажет он «нет» или «да». Он выбрал нейтральный ответ.

— Это первое, что я посмотрю в «Кратком курсе навигации» Нори, — сказал он.

Тут корабль опять накренился, и Хорнблауэр полетел на стол.

— Джентльмены, — начал он жалобно, думая, как же ему выразиться.

— Господи! — воскликнул кто-то за столом. — Да его укачало!

— Укачало в Спитхеде! — с отвращением и злорадством произнес другой.

Но Хорнблауэру было все равно — некоторое время он не сознавал, что происходит. Нервное возбуждение последних дней, возможно, подействовало на него сильнее, чем путешествие в лодке и качка на «Юстиниане». Тем не менее это означало, что к нему накрепко прилипло прозвище «мичмана, которого укачало в Спитхеде». Понятно, прозвище это не скрасило одиночество и тоску первых дней в Ла-Маншском флоте, который стоял тогда на яко-

рях с подветренной стороны острова Уайт, добирая недостающую команду. Прележав полчаса в гамаке, куда уложил его вестовой, Хорнблауэр пришел в себя и даже смог доложить первому лейтенанту.

Через несколько дней он уже ориентировался на корабле и не путался под палубами, не разбирая, где нос, а где корма (как в первые дни). Он научился различать лица других офицеров и не без труда усвоил, где должен находиться по боевому расписанию, во время вахты, когда убирают и когда ставят паруса. Он достаточно разобрался в своей новой жизни, чтобы понять: она могла быть много хуже, скажем, попади он на борт корабля, немедленно выходящего в открытое море. Это его не утешало; ему было тоскливо и одиноко.

Робкий от природы, он трудно сходилась с людьми, а вдобавок обитатели мичманской каюты оказались намного старше его — пожилые подштурманы с торговых судов, мичманы, из-за отсутствия покровительства или по неспособности сдать экзамены к двадцати-тридцати годам так и не ставшие лейтенантами. Поразившись вначале насчет новичка, они вскоре перестали его замечать. Хорнблауэра это устраивало — он замкнулся в своей скорлупе и постарался привлечь как можно меньше внимания.

Ибо невесело было на «Юстиниане» в те мрачные январские дни. Капитан Кин (когда тот поднялся на борт, Хорнблауэр впервые увидел, какой торжественностью окружен капитан линейного корабля) был болен и склонен к меланхолии. У него не было ни славы, позволявшей иным капитанам набрать в команду добровольцев, ни ярких личных качеств, чтобы воодушевить тех угрюмых людей, которых время от времени приводили вербовщики.

Офицеры видели его редко и предпочли бы видеть еще реже. На Хорнблауэра, когда того пригласили в капитанскую каюту для первого разговора, он не произвел впечатления — пожилой человек, большой, с впалыми желтыми щеками, за столом, заваленным бумагами.

— Мистер Хорнблауэр, — произнес он официально. — Я рад случаю приветствовать вас на борту моего корабля.

— Да, сэр, — сказал Хорнблауэр.

Такой ответ больше подходил к ситуации, чем «Есть, сэр», а ничего другого, по-видимому, от младшего мичмана не ожидалось.

— Вам... дайте взглянуть... семнадцать? — Капитан Кин поднял листок, на котором излагалась короткая карьера Хорнблауэра.

— Да, сэр.

— Четвертое июля тысяча семьсот семьдесят шестого года, — задумчиво проговорил Кин, читая дату рождения Хорнблауэра. — Пять лет до моего назначения капитаном. К тому времени, как вы родились, я шесть лет служил лейтенантом.

— Да, сэр, — согласился Хорнблауэр. Добавлять что-нибудь было явно излишне.

— Сын доктора... Надо было выбрать в отцы лорда, если вы хотите делать карьеру.

— Да, сэр.

— Какое вы получили образование?

— Я дошел до греческого класса.

— Так что, вы разбираетесь не только в Цицероне, но и в Ксенофонте?

— Да, сэр. Но не очень хорошо, сэр.

— Лучше бы вы разбирались в синусах и косинусах. Лучше бы вы умели угадать порыв ветра, чтобы вовремя убрать брамсели. Абсолютные причастные обороты нам во флоте ни к чему.

— Да, сэр, — сказал Хорнблауэр.

Он совсем недавно узнал, что такое брамсель, однако мог бы сообщить капитану о неплохом знании математики. Тем не менее он промолчал — инстинкт и недавний опыт подсказывали не лезть с непрошеными сведениями.

— Что ж, выполняйте приказы, изучайте свое дело, и ничего плохого с вами не случится. Вот так.

— Спасибо, сэр, — сказал Хорнблауэр, ретируясь.

Однако капитанские слова тут же начали сбываться прямо противоположным образом. Плохое стало случаться с того самого дня, хотя Хорнблауэр исполнял приказы и усердно изучал свое дело. Все началось с того, что в мичманской каюте появился старший уорент-офицер Джон Симпсон. Хорнблауэр, сидевший вместе со всеми за столом, увидел дюжего красавца лет тридцати, который остановился у входа, совсем как сам Хорнблауэр несколько дней назад, и глядел на собравшихся.

— Привет, — сказал кто-то не слишком сердечно.

— Кливленд, друг мой смелый, — сказал новоприбывший, — убирайся-ка с этого места. Я собираюсь занять свое законное положение во главе стола.

— Но...

— Убирайся, кому сказано! — рявкнул Симпсон.

Кливленд недовольно подвинулся. Симпсон сел на его место и обвел пристальным взглядом мичманов, с любопытством уставившихся на него.

— Да, любезные собратья-офицеры, — сказал он. — Я вернулся в лоно семьи. Меня не удивляет, что все загрустили. Могу добавить: вы еще не так загрустите, когда я вами займусь.

— Но ваше назначение?.. — осмелился спросить кто-то.

— Мое назначение? — Симпсон наклонился вперед и забарабанил пальцами по столу, вглядываясь в вопрошающие глаза мичманов. — Сейчас я отвечу на этот вопрос, но тот, кто рискнет задать его снова, пожалеет, что родился на свет. Эти тупоголовые капитаны из комиссии отказали мне в назначении. Они, видите ли, сочли, что мои математические познания недостаточно глубоки для навигатора. Так что исполняющий обязанности лейтенанта Симпсон вновь мичман Симпсон, к вашим услугам. Да будет с вами милость Божья.

В последующие дни могли возникнуть серьезные сомнения в Божьей милости, ибо с появлением Симпсона в мичманской каюте тихая тоска сменилась подлинными страданиями. Симпсон и прежде был изощренным тираном, а теперь, озлобленный и униженный провалом на экзаменах, стал тиранить подчиненных еще изощреннее. Он был слаб в математике, зато дьявольски силен в искусстве отравлять людям жизнь. Как старший в каюте, он был облечен достаточной властью; злой язык и злая воля обеспечили бы ему эту власть даже при бдительном и твердом первом лейтенанте, а первый лейтенант «Юстиниана» мистер Клэй таким не был. Дважды мичманы бунтовали против произвола Симпсона, но тот оба раза подавлял мятеж своими могучими кулаками: Симпсон с успехом мог бы выступать на ринге. Каждый раз на нем не оставалось ни ссадины, каждый раз его противник получал нагоняй и лишний наряд на салинг от первого лейтенанта за синяк под глазом или разбитую губу. Мичманы задыхались от бессильного гнева. Даже подлизы и прихлебатели — а они, естественно, нашлись — ненавидели деспота.

Характерно, что больше всего возмущало не вымогательство — не ревизия чужих сундуков с конфискацией в свою пользу чистых рубашек, не присвоение лучших кусков мяса, даже не изъятие вожденной порции спиртного. Это было понятно и извинительно, дай им власть, они и сами бы так делали. Но Симпсон проявлял чудовищный деспотизм, напомнивший Хорнблауэру, с его

классическим образованием, о римских императорах-выродках. Симпсон заставил Кливленда сбрить усы, которыми тот неизменно гордился; он возложил на Хетера обязанность каждые полчаса, днем и ночью, будить Маккензи, так что не высыпались оба. И если Хетер пропускал хоть раз, доносчики тут же сообщали Симпсону.

Слабые места Хорнблауэра, как и всех остальных, он обнаружил очень скоро. Симпсон понял, что Хорнблауэр робок, и заставлял его декламировать всей мичманской каюте «Элегию на сельском кладбище» Грея. Симпсон со значительным видом клал на стол ножны от кортика, а прихлебатели толпой окружали Хорнблауэра. Тот знал, что стоит промедлить, как его разложат на столе и пустят в ход ножны. Удар плашмя был болезнен, удар острой стороной — мучителен, но страшнее боли было унижение. Вскоре Симпсон придумал более изощренную пытку, которую назвал «Процедура допроса». Хорнблауэра медленно и методически расспрашивали о детстве и родительском доме. Отвечать надо было на все вопросы, под угрозой ножен. Хорнблауэр мог вилать и уклоняться от прямого ответа, но рано или поздно настойчивый допрос исторгал из него какое-нибудь простое признание, повергавшее слушателей в бурное веселье. Видит бог, в одиноком детстве Хорнблауэра ничего стыдного не было, но юноши, тем более скрытные, как Хорнблауэр, — странные создания и часто стесняются того, на что другой не обратил бы внимания.

Испытание оставляло Хорнблауэра разбитым и больным; человек менее серьезный смог бы выпутаться из ситуации, разыгрывая шута, и даже приобрел бы некоторую популярность. Хорнблауэр в свои семнадцать был слишком серьезен, чтобы паясничать. Он сносил пытку, испытывая отчаяние, ведомое лишь семнадцатилетним. Он никогда не плакал на людях, но по ночам нередко проливал горькие мальчишеские слезы.

Он часто помышлял о смерти, еще чаще — о побеге. Потом рассудил, что дезертировать, может быть, страшнее, чем умереть, и вновь стал думать о смерти. Он — без друзей, одинокий, как может быть одинок лишь способный мальчик среди взрослых мужчин, — начал мечтать о самоубийстве. Чаще и чаще обдумывал он, как бы проще покончить счеы с жизнью.

Будь они в море, всем бы хватило дела и некогда было маяться дурью; даже на рейде энергичный капитан и первый лейтенант нашли бы чем занять команду от греха подальше. Однако, на беду

Хорнблауэра, «Юстиниан» весь январь 1794 года стоял на якоре под командованием больного капитана и бездеятельного первого лейтенанта. Даже редкие периоды активности не шли на пользу Хорнблауэру.

Однажды мистер Боулз, штурман, проводил занятия по навигации для своих помощников и мичманов. Как на грех, капитан проходил мимо и заглянул в решения задачи, предложенной каждому отдельно. Болезнь сделала Кина язвительным, к тому же он не любил Симпсона. Бросив быстрый взгляд в записки старшего мичмана, Кин саркастически хмыкнул.

— Возрадуемся же, — сказал он. — Истоки Нила наконец обнаружены.

— Простите, сэр? — переспросил Симпсон.

— Ваш корабль, — произнес Кин, — насколько можно судить по вашим неграмотным каракулям, мистер Симпсон, находится в Центральной Африке. Посмотрим, каких еще *terrae incognitae* наоткрывали другие отважные первопроходцы.

Все было как в театре — в жизни таких совпадений не бывает. Хорнблауэр точно знал, что будет. Кин брал расчет за расчетом, дошел и до него. Результат Хорнблауэра оказался единственно верным, все остальные прибавили поправку на рефракцию вместо того, чтобы вычесть, или неверно умножили, или, как Симпсон, вообще все перепутали.

— Поздравляю, мистер Хорнблауэр, — сказал Кин. — Вы можете гордиться, что единственный преуспели в этой толпе интеллектуальных гигантов. Вы, насколько мне известно, в два раза моложе Симпсона. Если вы удвоите ваши достижения к его возрасту, то оставите нас всех далеко позади. Мистер Боулз, я попрошу проследить, чтобы мистер Симпсон уделял больше времени занятиям математикой.

Капитан пошел по твиндеку неуверенной походкой смертельно больного человека, а Хорнблауэр сел, опустив глаза, не в силах встретить направленные на него взгляды, и понимая, что они означают. В тот миг он мечтал о смерти — даже молился о ней в эту ночь.

Через два дня Хорнблауэр оказался на берегу, к тому же под началом Симпсона. Обоим мичманам поручили сопровождать наземный десант, направленный вместе с такими же группами с других судов для вербовки. Вскоре ожидался вест-индский конвой. Большинство матросов с торговых кораблей будут завербованы,

как только конвой войдет в Ла-Манш, остальные же, те, что поведут корабли до порта, постараются улизнуть и всеми правдами и неправдами укрыться от вербовщиков. Десанту предстояло оцепить берег, перекрыв пути к отступлению, и всех выловить. Но конвой еще не подавал сигналов, а необходимые приготовления были уже закончены.

— Жизнь прекрасна, — объявил Симпсон.

Высказывание для него необычное, но необычной была и обстановка. Он сидел в задней комнате таверны «Ягненок», удобно устроившись в одном кресле и положив ноги на другое, у ярко пылающего огня. Рядом стояла кружка пива с джином.

— За вест-индский конвой, — сказал Симпсон, прикладываясь к пиву, — чтобы ему задержаться подольше.

Симпсон был сама сердечность: пиво и тепло камина привели его в хорошее расположение духа, однако он выпил еще не столько, чтобы начать задирачься. Хорнблауэр сидел по другую сторону камина, потягивал пиво без джина, разглядывал Симпсона и с удивлением отмечал, что впервые с прибытия на «Юстиниан» мучительное страдание отпустило, сменившись глухой тоской, похожей на стихающую боль от выдернутого зуба.

— Скажи тост, — обратился к нему Симпсон.

— За поражение Робеспьера, — робко произнес Хорнблауэр.

Тут дверь отворилась, и вошли еще два офицера, один — мичман, другой — с лейтенантским эполетом. Это был Чок с «Голиафа», начальник всех береговых вербовочных отрядов. Даже Симпсон подвинулся, освобождая старшему по званию место у огня.

— Конвоя все нет, — объявил Чок, потом внимательно поглядел на Хорнблауэра. — Кажется, я не имею удовольствия быть с вами знакомым.

— Мистер Хорнблауэр — лейтенант Чок, — представил Симпсон. — Мистер Хорнблауэр знаменит как мичман, которого укачало в Спитхед.

Хорнблауэра чуть не передернуло, когда Симпсон налепил на него этот ярлык. Чок из вежливости переменял разговор:

— Эй, слуга! Джентльмены выпьют со мной по стаканчику? Боюсь, ждать нам придется долго. Все ваши люди на местах, мистер Симпсон?

— Да, сэ.

Чок не умел сидеть сложа руки. Он прошелся по комнате, посмотрел в окно на дождь, представил своего мичмана — Колдуэлла. Вынужденное безделье заметно его тяготило.

— Сыграем в карты, чтобы убить время? — предложил он. — Отлично! Эй, слуга! Карты, стол и еще свечей.

Стол подвинули к огню, расставили стулья, принесли карты.

— Во что будем играть? — спросил Чок, обводя мичманов глазами.

Он был единственным лейтенантом среди них, и любое его предложение обладало немалым весом — остальные трое, естественно, молчали, ожидая, пока он выскажет свое мнение.

— Двадцать одно? Игра для идиотов. Лу? Игра для богатых идиотов. Тогда вист? Вот случай продемонстрировать наши скромные способности. Колдуэлл, насколько мне известно, знаком с азами игры. Мистер Симпсон?

Симпсон, при полном отсутствии математических способностей, очевидно, не мог хорошо играть в вист, но столь же очевидно не догадывался, что играет плохо.

— Как хотите, сэр, — сказал Симпсон.

Он любил азарт, а во что играть, ему было безразлично.

— Мистер Хорнблауэр?

— С удовольствием, сэр.

Это была не простая вежливость. Хорнблауэр прошел хорошую школу виста; после смерти матери он играл четвертым со своим отцом, пастором и женой пастора. Игра была его страстью. Он наслаждался точным подсчетом шансов, необходимостью одновременно проявлять смелость и осторожность. Радость, прозвучавшая в его голосе, заставила Чока вновь взглянуть на него. Чок, сам хороший игрок, тут же почувствовал в нем товарища.

— Отлично! — сказал он. — Мы можем сразу вытянуть карты и определить партнеров. Какие будут ставки, джентльмены? Шиллинг взятка и гинея роббер, или это многовато? Нет? Договорились.

Некоторое время играли спокойно. Хорнблауэру достался в партнеры Симпсон, потом Колдуэлл. Почти сразу же стало ясно, что Симпсон игрок никудышный, из тех, кто непременно идет с туза, а при четырех козырях — с одиночной карты. Однако им с Хорнблауэром пришли очень сильные карты, и первый роббер они выиграли. Затем Симпсон проиграл в паре с Чоком, им снова выпало играть вместе, и они опять проиграли. Симпсон торжественно смотрел на хорошие карты и вздыхал, получив плохие, — очевидно, он принадлежал к тем невеждам, для которых вист — светская обязанность или даже грубый способ перераспределения

денег, вроде бросания костей. Никогда ему не приходило в голову, что это священный ритуал, упражнение для ума. По мере того как он проигрывал все больше и больше, а слуга приносил и приносил джин, лицо его становилось все более багровым. Он не умел ни пить, ни проигрывать, так что даже подчеркнуто вежливый Чок не выдержал и выказал некоторое облегчение, когда в следующий раз оказался в паре с Хорнблауэром. Они легко выиграли следующий роббер; еще гинейя с несколькими шиллингами перекочевала в тощий кошелек Хорнблауэра. Он один был в выигрыше, а Симпсон проиграл больше всех. Хорнблауэр совершенно забылся и воспринимал приглушенную брань Симпсона лишь как досадную помеху игре. Внезапно он осознал, что заплатит за сегодняшний успех будущими мучениями.

Еще раз вытянули карты, Хорнблауэру снова выпало играть с Чокком. Первую партию они выиграли. Потом дважды выиграли их противники. Симпсон ликовал. В следующую сдачу Хорнблауэр чересчур смело прорезал¹, наказав себя с партнером на две взятки, — Симпсон с довольной ухмылкой положил своего валета на десятку Хорнблауэра и тут обнаружил, что они с Колдуэллом все равно проиграли. Он с раздражением пересчитал взятки по второму разу, но их по-прежнему было только шесть. Хорнблауэр сдал и показал козыря. Симпсон зашел — как обычно с туза, лишив себя возможности перехватить ход. У Хорнблауэра были хорошие козыри и длинная трефа. Симпсон, что-то бормоча, разглядывал свои карты; невероятно, но он так и не усвоил, что, зайдя с туза, неизбежно вынужден будешь думать над следующим ходом. Наконец он решился и пошел. Хорнблауэр взял королем и тут же выложил козырного валета. К его радости, валет взял взятку, он пошел снова, и взятку взяла дама Чока. Чок пошел с козырного туза, и Симпсон с проклятием выложил короля. Чок пошел в трефу. У Хорнблауэра были в трефах марьяж и еще три карты, а Чок не зашел бы в трефу, будь она у него единственной. Хорнблауэр взял дамой: туз у Колдуэлла, если не у Чока. Хорнблауэр пошел с мелкой карты, все ответили в масть: Чок положил валета, а Колдуэлл — туза. Вышло восемь треф, а у Хорнблауэра их оставалось еще три, начиная с короля и десятки, — три верные взятки с козы-

¹ *Прорезывать* — класть карту, будучи вторым или третьим игроком, ниже старшей на руке в надежде, что карты, могущие ее перебить, находятся у соседа справа. — *Здесь и далее примеч. перев.*